

М. Н. АЛЕКСЕЕВ и Г. В. КОЛШАНСКИЙ

О СООТНОШЕНИИ ЛОГИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

При решении многих теоретических и практических задач как логики, так и языкознания, особенно в области исследования пограничных вопросов, неизбежно встает проблема выявления основных категорий той и другой науки, т. е., в конечном счете, проблема соотношения категорий мышления и языка. Основные языковые явления — слово, предложение в их разнообразных видах — так или иначе требуют при их изучении анализа соответствующих категорий мышления: понятия, суждения, умозаключения. Точно так же изучение и анализ категорий мышления требует, чтобы логика постоянно исходила из тех категорий языка, носителями которых они являются. Поэтому проблема соотношения логических и грамматических категорий как часть общей проблемы отношения мышления к языку является весьма важной и, если учесть ее неразрешенность, актуальной для советской науки¹.

Оживленная дискуссия в этой области среди логиков и лингвистов не привела еще к каким-либо общим положительным выводам, которые могли бы считаться удовлетворительными для практики дальнейшего логического и грамматического исследования. Одной из причин этого, безусловно, является объективная трудность самой проблемы.

В настоящее время высказано уже немало аргументов в защиту той или иной точки зрения на поставленную проблему. Представляется необходимым разобрать эти аргументы несколько подробнее. Небольшой исторический экскурс будет здесь необходим постольку, поскольку он в значительной степени поможет выяснить источники повторяющихся аргументов представителей различных направлений.

1

В истории языкознания последних столетий принципиально противоположные позиции по вопросу о соотношении логики и грамматики последовательно были выдвинуты сначала представителями логического направления, а затем психологического.

Основоположник логической школы в языкознании К. Беккер, автор книги «Организм языка», выдвинул прямолинейный тезис о совпадении и даже о тождестве логических и грамматических категорий.

Исходя из идеалистического учения о мышлении как развитии абсолютного духа, Беккер называет язык органическим выявлением последнего; и хотя рассуждения Беккера иногда далеки от грубого отождествле-

¹ См. В. В. Виноградов, Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения, ВЯ, 1954, № 1.

ния языковых и логических категорий (рассмотрение вопроса об особенном и общем в языке, о внутренних противоречиях развития языка), все же в конечном итоге он признает полное тождество языка и мышления. «Язык, — пишет Беккер, — есть не что иное, как проявившая себя мысль, и внутренне они есть одно и то же»¹.

Неизбежным выводом из этого было положение Беккера о едином формальном пути развития всех языков; факт же различия языков и законов их развития привел Беккера к необходимости выдвинуть особую теорию о суррогатах и образцах языка (за последние принимались индоевропейские языки, в частности латыш.).

Тезис о слитности, тождество логической формы мысли и грамматической формы языка² означал, по существу, снятие самой проблемы соотношения логики и грамматики, а не ее решение.

Лингвистические исследования, в которых разрабатывались вопросы конкретного изучения разнообразных языковых форм различных языков, не могли, естественно, получить в философии языка Беккера теоретическую опору, ибо они постоянно подтверждали очевидный факт специфики языковых явлений и невозможности подведения их под один образец.

Возникновение другого, противоположного логицизму направления в языкознании — психологического — объяснялось, с одной стороны, расцветом идеалистической психологии, с другой — резко отрицательной реакцией лингвистов на метафизический логицизм, оказавшийся неспособным разрешить теоретические вопросы бурно развивавшегося в это время языкознания (сравнительно-исторического и описательного).

У психологистов наука о мышлении становится наукой о «душе»; объектом изучения этой науки выступает психика индивидуума (Герbart, Спенсер). Такой поворот в философии от «абсолютной» логики к индивидуалистической психологии должен был изменить и методологические принципы науки о языке.

Построить всю теорию языка на принципах этой психологии пытался Г. Штейнталь. Положения этой теории позже были четко сформулированы активным защитником психологизма русским лингвистом М. Туловым: во-первых, «каждый язык имеет свою особую логику», и явления языка объясняются индивидуальной логикой самого языка, а не логикой общечеловеческого мышления³; во-вторых, «строение языков зависит не от логических отношений понятий, не от реальных отношений предметов, а от образа индивидуальных представлений тех и других»⁴.

В целом психологическая точка зрения на проблему взаимоотношения логики и грамматики может быть охарактеризована как чисто нигилистическая, полностью отвергающая какое-либо соприкосновение сферы мышления и языка. «Языковые и логические категории, — указывает Штейнталь, — являются несовместимыми понятиями, которые соотносятся друг с другом как понятия круга и красного»⁵.

Психологиаты и их последователи собрали множество аргументов, чтобы доказать полную противоположность логических и грамматических категорий. Следует, однако, заметить, что острие их критики было направлено против идеалистической логики, к тому же борьбу с ней психологиаты вели с непрочных позиций индивидуалистической психологии.

¹ К. F. B e c k e r, *Organism der Sprache*, Frankfurt a. M., 1841, стр. 2.

² См. там же, стр. 579.

³ См. М. Тулов, *Обозрение лингвистических категорий*, Киев, 1861, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ H. S t e i n t h a l, *Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihr Verhältniss zu einander*, Berlin, 1855, стр. 221—222.

В последующем развитии языкознания лингвисты, не принадлежащие к психологическому направлению, также высказывались против попыток установления связи между логическими и грамматическими категориями, в результате чего накопился значительный материал, так сказать «антислогического» направления. Поэтому представляется целесообразным кратко рассмотреть этот материал, все основные аргументы, зафиксированные в лингвистической литературе¹.

2

Во многих руководствах по логике, психологии и языкознанию в качестве черты, разъединяющей логику и грамматику, указывалось и указывается то обстоятельство, что язык выражает не только логическую сторону мышления, но и другие стороны сознания человека — эмоцию, волю². Этот тезис не только затрагивает проблему отношения логики к грамматике, но захватывает и самую широкую область — соотношение мышления и языка.

Вопрос об участии эмоций и воли в жизни языка, об их влиянии на языковые формы может быть решен с предварительным его расчленением на два подвопроса: 1) установление отношения психических явлений — эмоций и воли — к мышлению человека и 2) определение взаимосвязи языка со сторонами человеческого сознания.

Советская психологическая наука не противопоставляет мышление эмоциям и воле, рассматривая их как явления, органически связанные между собой. Так как язык является непосредственной действительностью именно мысли, то выражаемое в языке содержание всегда будет мыслительным содержанием. По своей общей логической структуре всякое языковое высказывание будет укладываться в ту или иную логическую форму.

Вполне естественно, что язык, выражающий все конкретное содержание мышления, выявляет своим звуковым и лексико-грамматическим материалом все богатство сознания человека, охватывающее и область осознанных эмоций и волевых актов.

Акад. В. В. Виноградов пишет: «... выражение эмоций в языке не может не быть осознанным. Степень мыслительного, понятийного содержания в таком словесно-эмоциональном выражении отчасти определяется характером и степенью его грамматической расчлененности»³.

Данный вопрос должен стать предметом особого языкового анализа, который безусловно не будет иметь своей целью опровержение с этой стороны тезиса о единстве логических и грамматических категорий.

К основному возражению, касающемуся того, что язык помимо мышления выражает волю и эмоции, примыкает еще немало других более частных возражений противников теории единства логических и грамматических категорий.

Так, по мнению датского лингвиста О. Есперсена, посвятившего проблеме соотношения логических и грамматических категорий отдельную книгу⁴, язык содержит в себе логические категории, из которых только часть совпадает с категориями грамматики. Например, в предложении *Man is mortal* («Человек смертен») грамматически передано настоящее время, а логически здесь содержатся все три времени: *All human beings have been, are, and always will be mortal* («Все люди были, есть и будут смерт-

¹ См., например, L. K r a m p, *Das Verhältniß von Urteil und Satz*, Bonn, 1916.

² См., например, С. Л. Р у б и н ш т е й н, *Основы общей психологии*, М., 1946, стр. 416.

³ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 12.

⁴ О. J e s p e r s e n, *Logic and grammar*, Oxford, 1924.

пль»). Это указание обнаруживает явно неправильное понимание связки в предикате, выражающей в форме настоящего времени неопределенно длительное время.

Недоумения Есперсена по поводу несовпадения множественного числа в разных языках (*Die Leute, люди, the people*) объясняются его игнорированием диалектического взаимодействия формы и содержания и самобытности национальных языков. Этим игнорированием объясняется и странная уверенность Есперсена в том, что невозможно логический строй мысли усмотреть во многих грамматически правильно построенных рассуждениях. Например, из высказывания *It rains; I will therefore take my umbrella* нельзя, по его мнению, вывести стройное умозаключение.

Еще раньше немецкий лингвист Ф. Керн также пытался бездоказательно утверждать, что «обычный разговор» (*Tagesgespräch*) ни к какой логике не сведешь¹. Непонимание действительного взаимоотношения формы и содержания, свойственное метафизическому взгляду, сквозит во многих ложных аргументах различных авторов — противников единства логических и грамматических категорий. Так, говорили, что логически правильная мысль может быть правильно грамматически оформлена (например, «круглый квадрат»), смешивая при этом понятия грамматической правильности и объективной истинности. Далее указывали, что логические категории объема и содержания не находят отражения в языке, ибо слова *роза, цветок, растение* не фиксируют якобы различие объема; при этом не учитывалось то, что три указанных слова и выражают как раз три разных по своему содержанию и объему значения.

Далее замечают, что логически противоположные понятия в грамматическом плане одинаковы (*добрый—злой*), умалчивая при этом о различии этих слов как лексических единиц. Аналогичные возражения — например, что логически отрицательные понятия в языке не имеют отрицательных признаков (*слепой*) и т. д. — легко опровергаются подобным же образом.

Ф. Керн приводит ряд якобы очевидных противоречий между логикой и грамматикой². Так, в примере *Sokrates ist tugendhaft* («Сократ добродетелен») выражено логически универсальное суждение (хотя и единичное), в то время как в этом предложении выявлена будто бы лишь мысль об одном, частном признаке характера Сократа. Автор совершает здесь логическую ошибку в рассуждении, подменяя анализ формы высказывания о признаке Сократа вопросом об отношении этого признака к другим чертам его характера. В примере же *Es kommt niemand*, по мнению Ф. Керна, кроется логическая бессмыслица при правильной грамматической форме: к отрицательному субъекту — *niemand* («никто») дается положительный предикат — *kommt* («приходит»). Различие между языком и мышлением Ф. Керн выдает за их несовместимость. Он считает логически бессмысленным высказывание *Der Knabe ist nicht fleißig* (буквально: «Мальчик не есть прилежный») на том основании, что логики говорят здесь об отрицательной связке; по его мнению, это равноценно отсутствию всякой связи.

Несмотря на то, что аргументация психологистов и их последователей была, казалось бы, всесторонне разработанной, их общий вывод о несовместимости логических и грамматических категорий не встретил всеобщего одобрения. И после «уничтожающей» критики логического направления в языкознании делались неоднократные попытки совместить области логики и грамматики. Правда, эти попытки строились на явно идеалистической основе и потому не могли привести к положительным резуль-

¹ F. Kern, Die deutsche Satzlehre, Berlin, 1883, стр. 3.

² Там же.

татам. Соплемеся для примера на концепцию философа и лингвиста М. Дейчбейна¹. Дейчбейн пытается примирить психологию и логику с грамматикой (причем психология и логика мышления трактуются им на идеалистический манер: психологию мышления Дейчбейн относит к области сознания, а логику — к самосознанию). Развитие мышления и языка, по его мнению, идет по трем ступеням: психологической, логической и грамматической. Этим ступеням соответствуют три слоя предложения — грамматический, психологический и логический.

Высказывая понятие о предмете и его признаке, мы получаем психологические субъект и предикат, если же понятие предмета перерастает в понятие субстанции, а понятие признака — в акциденцию, то это дает логические субъект и предикат. Грамматические субъект и предикат оказываются у Дейчбейна пустой формой. Выражение предмета и признака (номинальные предложения), по мнению Дейчбейна, — удел примитивного мышления, а вербальные предложения (субстанция и акциденция) — признак культурного мышления. Грамматические субъект (S) и предикат (P) существуют сами по себе, психологические — определяют состав представления, а логические находят себе опору уже в самосознании.

Конкретный грамматический анализ становится при таком взгляде совершенно искусственным. Предложение *Der Jäger tötet den Löwen* («Охотник убивает льва») разбирается у М. Дейчбейна так²:

a) <i>Der Jäger</i>		<i>tötet den Löwen</i>
log. Subjekt		log. Prädikat
логич. субъект		логич. предикат
b) <i>Der Jäger</i>		<i>tötet den Löwen</i>
Ursache		Wirkung
причина		следствие
в) <i>Der Jäger</i>	<i>den Löwen</i>	<i>töten (2)</i>
psych. Subjekt	psych. Objekt	psych. Prädikat
психолог. субъект	психолог. объект	психолог. предикат

Если объяснение во втором пункте (б) не имеет никакого отношения к языкознанию, а в третьем (в) искусственно подделано под форму именного предложения, чтобы сделать его «психологическим», то первое предложение (а) при анализе повисает в воздухе, ибо совершенно не ясно, почему *der Jäger* здесь — логический субъект, а в других предложениях нет. Грамматический анализ предложения вообще исчезает. Ясно, что концепция Дейчбейна бесплодна. После него она ни у кого не получила поддержки.

Кратко излагая основные взгляды на проблему соотношения логики и грамматики, нельзя не упомянуть о распространенной в настоящее время в буржуазной науке теории так называемого логического синтаксиса. Проблема соотношения логики и грамматики в логическом синтаксисе решается простым путем — снитием ее. Из основных элементов языка — звук, слово, предложение — признаются несущественными первые два элемента, которые отбрасываются как попущная «грамматика материала». Из всего языка остается только «грамматика значения», описывающая правила строения предложения, т. е. синтаксические правила. «Под логическим синтаксисом языка мы понимаем формальную теорию речевых форм этого языка», — пишет Р. Карнап³.

¹ См. M. Deut sch be in, Satz und Urteil, Götten, 1919.

² См. там же, стр. 40—41.

³ R. Carnap, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934, стр. 1.

Единица языка — предложение — становится предметом изучения логики, ибо логические отношения идентифицируются с синтаксической структурой. Категории логики и синтаксиса не соотносятся друг с другом каким-либо образом — они просто совпадают.

Синтаксические категории языка не имеют для логических позитивистов иного смысла, кроме значения порядка. Смысл в языке имеет только следование групп, классов. Категории синтаксиса дают формулы исчисления, калькуляции возможного порядка следования знаков. Согласно такому синтаксису, значение слов не является необходимым — все заменяется формулой следования слов. Бессмысленное предложение *Piroten karulieren elatisch* будет удовлетворять всем «требованиям» логики, если оно определено и соблюдает правило ABC («А» — *Pirot*, «В» — *karulieren*, «С» — *elatisch*).

Предложению «Солнце есть светило» относится к ложному предположению («*Scheinsatz*»), настоящая его форма на «научном», физическом языке будет Слово «солнце» равно «светило».

Логические позитивисты пришли, таким образом, к отождествлению логики и грамматики через формализацию языка, повторив в обратном порядке путь логицистов XIX в.

В современном буржуазном языкознании, в его на первый взгляд разнообразных направлениях, связанных с логическим синтаксисом, позитивизмом, семантикой и т. д., логический анализ языка превратился скорее в математический, структурно-описательный, изучение же логических категорий, в традиционном смысле этого слова, происходит независимо от языка¹.

Постановка проблемы логицистами и их противниками психологистами была в основе своей неправильна (это же относится и к логическим позитивистам), поскольку речь шла у них либо о доказательстве полного тождества логических и грамматических категорий, либо о доказательстве абсолютной их несовместимости. В обоих случаях обнаруживался метафизический подход к вопросу.

Правильно поставить проблему взаимоотношения логических и грамматических категорий можно только опираясь на марксистское учение о единстве языка и мышления, исходя из того, что язык и есть практическое, существующее для других людей и лишь тем самым для меня самого реальное сознание, что язык есть непосредственная действительность мысли.

Соотношение логики и грамматики рассматривается в марксистском языкознании в неразрывном единстве, что не исключает вместе с тем их существенных различий.

Правильное и последовательное применение в конкретном исследовании принципа единства логики и грамматики всегда подтверждает это положение. Так как практика грамматического исследования обычно прибегает к так называемому семантическому объяснению, то правильный взгляд на семантику грамматических форм может быть обусловлен только верной трактовкой логического значения грамматических конструкций. В этом случае опора грамматики на логику не может быть дискредитирована необоснованным упреком в том, что таким образом вновь создается пресловутая «рациональная» грамматика. Исходный пункт старой «универсальной» грамматики — признание тождества структуры мышления и грамматики всех языков — ничего общего не имеет с основополагающим принципом единства логики и грамматики.

¹ См., например, A. Flew, *Logic and language*, Oxford, 1953.

Проблема взаимоотношения логических и грамматических категорий, составляющая часть более общей проблемы соотношения языка и мышления, сложна и многообразна. Она включает в себя рассмотрение таких вопросов, как соотношение понятия и слова (в качестве элемента грамматики), суждения и предложения, умозаключения и способов его выражения в языке, словосочетаний и типов проявляющихся в них логических связей, логической абстракции и абстракции грамматической, частей речи и категорий мышления в связи с различными степенями абстрагирующей деятельности нашего мышления, и ряд других вопросов.

В настоящей статье мы остановимся лишь на двух вопросах: 1) суждение и предложение, 2) умозаключение и способы его выражения в языке, — составляющих, несомненно, ядро всей проблемы взаимоотношения логических и грамматических категорий.

3

Вопросу о взаимоотношении суждения и предложения посвящена довольно большая литература (статьи, рефераты, диссертации). Но единого мнения об отношении этих основных категорий логики и грамматики еще не достигнуто¹. Продолжаются споры относительно того, всякое ли предложение выражает собою суждение, какова природа вопросительных, побудительных и односоставных повествовательных предложений с точки зрения выявления в них форм мышления, может ли одно и то же предложение выражать несколько различных суждений, каков состав суждения и предложения, имеются ли в суждении логические эквиваленты для второстепенных членов предложения и т. д.

Ни у кого не вызывает сомнения то, что в повествовательных предложениях всегда есть суждения — утверждение или отрицание чего-либо о чем-либо. Сомнения касаются лишь вопроса о том, где в них субъект и где предикат. Иначе обстоит дело с вопросительными и побудительными предложениями². Наличие вопросительных и побудительных предложений всегда использовалось как готовое возражение против какого-либо сближения суждения и предложения, так как эти типы предложений по своему характеру никак не могли быть подведены под форму суждения. Это несоответствие вопросительных и побудительных предложений форме суждения принималось как самый достоверный аргумент против положения о связи суждения и предложения, логики и грамматики.

С другой стороны, некоторые лингвисты и логики уже давно пытались подчеркнуть узость аристотелевского определения суждения — ограничение суждения только формой повествования (утверждения или отрицания) — и требовали расширить определение категории суждения путем включения в него также вопроса и повеления³. Однако этот путь был ошибочным и ни к каким положительным выводам не привел: нельзя ни отождествлять вопрос и побуждение с суждением, ни включать их в него. К тому же расширительное употребление термина «суждение» не снимало самой проблемы отличия так называемого повествовательного суждения от так называемых вопросительного и повелительного суждений.

Решение этой проблемы, очевидно, должно идти не по линии нивелировки вопроса, побуждения, суждения, а по линии нахождения того общего, что у них действительно имеется. Если будет найдено это общее и если

¹ См. Е. М. Галкина-Федорук, Предложение в свете материалистического языковедения, «Р. яз. в шк.», 1949, № 1.

² См. П. В. Таванец, Суждение и его виды, М., 1953, стр. 24—25.

³ См. В. Erdmann, Logik, 2-е Aufl., Halle, 1907, стр. 389—394.

удастся показать значительную роль, какую играют в процессе познания и общения вопрос, суждение, побуждение — тогда трудность, связанная с вопросительными и побудительными предложениями, будет устранена.

В настоящее время в советской логике больше подчеркивается различие между суждением, вопросом и побуждением, но не делается серьезных попыток выявить их существенные общие признаки, которые отнюдь не ограничиваются обычно указываемыми признаками: 1) предметный характер, 2) свойство быть правильным или неправильным, 3) выражение в форме предложения. При этом последний признак, общий для суждения, вопроса и побуждения, наиболее важен с лингвистической точки зрения. Если не учесть его, то для грамматики создается парадоксальное положение: грамматика рассматривает вопросительные, побудительные и повествовательные предложения без всяких оговорок, как принадлежащие по своему основному существенному признаку к категории предложения; логика же, ссылаясь на этот несомненный факт, усматривает лишь внешнее сходство выражаемых в них форм мысли, но не их родовую общность. Получается, что существенные формально-грамматические черты не выражают в своей материи существенных черт форм мышления.

Это противоречивое положение может найти разрешение в том случае, если в логике еще глубже будут исследованы общие существенные признаки суждения, вопроса и побуждения. Возможно, что существенным общим структурным признаком указанных форм является то, что они имеют одинаковое членение на соотносительные понятия субъекта и предиката (в широком значении этих терминов), скрепленные предикативным, а не атрибутивным отношением (в вопросе и побуждении, как и в суждении, всегда высказывается что-то о чем-то, например: *Ты не слушаешь. Ты не слушаешь? Ты не слушай!*)

В этой связи интересны соображения П. В. Чеснокова¹ относительно общих признаков, присущих суждению, вопросу, побуждению: цельность отражения, модальность, относительная законченность мысли, способность выступать «ячейкой» общения. Объединяя суждение, вопрос, побуждение в одну родовую категорию, неудачно названную «логической фразой», П. В. Чесноков, однако, не раскрывает точно специфику каждого из них.

Отношения субъекта и предиката, отражающие, по замечанию В. И. Ленина, диалектику единичного и общего², являются тем главным звеном, которое объединяет все указанные формы в родовую категорию. Суждение как форма выражения утверждения или отрицания, вопрос — запрашивание относительно чего-нибудь, повеление как форма побуждения к действию входят как виды в эту общую родовую для них категорию. Пока нет принятого термина для такого родового понятия, но им мог бы быть термин «высказывание», охватывающий формы повествовательные, вопросительные и побудительные.

Объединение этих видов в более общую категорию, безусловно, несколько не уничтожает и не уравнивает их отличительных особенностей, четко определяемых теперь в логике.

Соответствующие виды предложений в грамматике, всегда четко различавшиеся, должны будут рассматриваться как языковое выражение особых разновидностей этой категории логического высказывания. Таково может быть решение первого вопроса.

¹ П. В. Чесноков, Суждение, логическая фраза и предложение в свете марксистско-ленинского учения о единстве языка и мышления. Канд. дисс., Ростов н/Д., 1954.

² См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

Существование односоставных предложений до сих пор еще используется в качестве аргумента против соотношения суждения и предложения. В связи с проблемой односоставных предложений, структура которых отстает от обычной двучленной подлежащно-сказуемой формы, были попытки, с одной стороны, доказать возможность наличия одночленных суждений¹, с другой — обосновать возможность выражения двучленного суждения в односоставном (одночленном) предложении. Первая попытка до сего времени была безуспешной и должна быть оставлена по той причине, что допущение одночленных суждений противоречит самому понятию суждения, как мысли, заключающей в себе как то, о чем идет речь, так и то, что об этом говорится². Признание одночленных суждений (то равно как и: бессубъектных или беспредикатных) означает метафизический разрыв двух взаимосвязанных, соотносительных терминов суждения: субъекта и предиката. Не надо забывать, что там, где нет субъекта, не может быть и предиката, а где нет предиката, там нет и субъекта. Субъект и предикат всегда берутся один по отношению к другому. Поэтому неправильно говорить о суждении, состоящем из одного только субъекта или из одного предиката.

В последнее время некоторые логики снова пытаются возродить эту точку зрения, что видно на примере кандидатской диссертации В. А. Кирилловой «Суждение и предложение». В. А. Кириллова настойчиво стремится доказать, что безличные нераспространенные и назывные предложения служат грамматической формой выражения суждений, состоящих всего из одного члена, — одночленных суждений³. По ее мнению, в этих одночленных суждениях нет понятия, отражающего предмет суждения, а есть лишь указание на него. Получается, что суждение может указывать на предмет, не отражая его. Попытка обосновать возможность выражения двучленного суждения в односоставном предложении часто приводила к ложному объяснению односоставных предложений методом уже лингвистического анализа (ссылки на ситуацию, жесты и т. д., которые якобы также могут служить выражением терминов суждения)⁴.

Очевидно, что вопрос об односоставных предложениях должен решаться с учетом прежде всего следующих соображений: или это предложения, которые в своей грамматической форме выражают мысль — суждение, или это лексическая категория, фиксирующая лишь отдельные понятия, или, наконец, это предложения, имеющие в основе своего построения «одно единственное понятие или представление, грамматически соотношенное с действительностью»⁵.

На наш взгляд, проблема односоставных предложений заключается в том, чтобы установить действительные языковые средства выражения в них суждения, приняв во внимание их исключительное своеобразие — отсутствие лексически развернутых членов предложения, объясняемое конкретной историей их образования и развития.

В лингвистической науке не опровергается положение о том, что односоставные предложения являются действительно предложениями, выражающими определенную, относительно законченную мысль — суждение.

¹ См. A. Marty, Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zu Logik und Psychologie, (Gesammelte Schriften, Bd. II, Abt. 1, Halle, a/s, 1918).

² См. W. Grebe, Die logische Funktion der Sprache, «Blätter für deutsche Philosophie», Bd. 9, Heft 4, Berlin, 1936.

³ См. В. А. Кириллова, Суждение и предложение. Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 10—11.

⁴ См. H. Paul, Deutsche Grammatik, Bd. III, Halle, 1919, стр. 26—27.

⁵ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 9, см также: W. J. Entwistle, Aspects of language, London, [1953], стр. 168.

Суждение извлекается из этих предложений в форме мысли о том, что наступает какое-то явление (света — «светает», вечера — «вечереет» и т. д. в глагольных безличных предложениях) или — что существует какой-то факт («зима», «пожар» и т. д. — в именных предложениях). Эти суждения близки к экзистенциальным.

Ясно, что логический состав суждения извлекается из этих предложений только потому, что он так или иначе действительно реализован в их языковой форме. А. А. Шахматов, признавая грамматическую односоставность этих предложений, утверждал, что в одном члене этих предложений выявляется предикат коммуникации¹, но не смог дать четкого грамматического объяснения этому явлению.

Л. А. Булаховский придерживается того взгляда, что безличные (односоставные) предложения являются особым видом «выявления двусоставного в своей основе акта мышления»².

Некоторые лингвисты, анализируя односоставные предложения и сравнивая различные формы этих предложений в индоевропейских языках (например, в немецком, где они формально двусоставные — *es regnet* и т. д., аналогично во французском — *il pleut* и т. д.), полагают, что эти предложения с грамматической точки зрения являются полными предложениями, хотя и своеобразными³. Данное сравнение наводит на мысль, что специфика односоставных предложений — не в структуре имеющих в них суждений, а в грамматической форме выражения последних (примечательно, что не во всех языках возможны такие, например, односоставные предложения, как безличные; так, они невозможны в монгольском языке).

В связи с возможностью указанного толкования содержания односоставных предложений отмечалось, что глагольная флексия в безличных предложениях может передавать понятие местоименного указания (например, *Светает* может означать, что это, данное явление есть «светание»); в номинативных предложениях фразовая интонация слова означает его предикативную функцию, а флексия слова (именительный падеж, например, *Вечер*) также приобретает функцию выражения. Аналогично анализировались и другие виды подобного типа предложений (неопределенно-личные, обобщенно-личные и др.).

Конкретно-историческое исследование односоставных предложений должно объяснить значение их формы, ее становление и особенности выражаемого этими предложениями логического содержания. При этом необходимо полностью отказаться от прямого сопоставления в данном случае членов суждения и членов предложения, поскольку уже очевидно, что конкретная языковая форма односоставных предложений не идентична подлежащно-сказуемостной форме обычных предложений.

К тому же, как верно подмечает В. А. Кириллова⁴, следует учитывать многообразие односоставных предложений. Есть односоставные предложения (так называемые нераспространенные), в которых субъект суждения лексически отдельно не выражается, а есть такие односоставные предложения (так называемые распространенные), в которых при определенном логическом ударении не только предикат, но и субъект суждения получает самостоятельное лексическое выражение.

¹ См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 30.

² «Курс современного украинского литературного языка», т. II, под ред. Л. А. Булаховского, Киев, 1951, стр. 52 [на укр. языке].

³ См. Е. Ф. Будде, Основы синтаксиса русского языка, Казань, 1912, стр. 22—23.

⁴ См. В. А. Кириллова, указ. автореф., стр. 8—9.

4

Важным обстоятельством при решении проблемы соотношения суждения и предложения надо считать известное для многих языков явление изменения смысла предложения при помощи логического (фразового) ударения. Так, в русском языке широко используется логическое ударение для выражения логического смысла предложения при сохранении его лексического состава (например, *Я даю ему книгу* соответственно с ударением на *я*, *книгу* и т. д.). Этот факт истолковывается двояко в логическом и лингвистическом плане. Для сторонников психологического направления он явился доказательством несовместимости логической схемы, привязанной только к подлежащему и сказуемому предложения, с живым языком.

Так, Л. Крамп приводит предложение *Das Lob erwartet den fleißigen Schüler nach vollbrachter Arbeit* («Похвала ожидает ученика после выполненной работы»; при ударении на *das Lob*), которое, согласно его анализу, содержит суждение *Der fleißige Schüler wird nach vollbrachter Arbeit gelobt* («Прилежный ученик получает похвалу после выполненной работы»)¹. Крамп подгоняет суждение под обычную форму (подлежащее — сказуемое), игнорируя такие важные факторы синтаксической формы данного предложения, как порядок слов (дополнение на первом месте) и логическое ударение. Но эти средства как раз и служат здесь той языковой реальностью, которая дает нам право извлечь правильную мысль из этого предложения, не искажая его.

При постановке фразового ударения на *das Lob*, становящемся логическим предикатом, смысл этого предложения может быть передан примерно так: «То, что ожидает прилежного ученика после выполненной работы, есть похвала». В этом отношении крупной заслугой А. М. Пешковского следует считать его положение об интонации как важнейшем синтаксическом средстве².

В настоящее время уже отвергается узкая формальная схема предложения, ограниченного только отношением подлежащего и сказуемого. Действительная языковая форма предложения включает в себя и порядок слов, и интонацию, в результате чего возможности выражения логической мысли становятся шире.

При такой постановке вопроса уже нельзя видеть противоречия между суждением и предложением в тех случаях, когда логический предикат, обозначенный ударением, не совпадает с морфологическим сказуемым (глаголом или именем). Нельзя также утверждать, что при этом одно и то же предложение может выражать собою несколько различных суждений, поскольку изменение порядка слов или логического ударения означает изменение не только суждения, но и предложения (если брать его во всем многообразии).

Использование интонации для формирования предложения с различным смысловым содержанием, но при одном грамматическом составе его членов может рассматриваться как подтверждение единства суждения и его формальной реализации в предложении.

Некоторые лингвисты указывали на то, что подлежащее и сказуемое предложения не совпадают с субъектом и предикатом высказывания в таких, например, случаях, как *Солнце освещает землю* и *Земля освещается солнцем*. Несоответствие это, по их мнению, заключается в том, что в пассивной конструкции «логический субъект» — *солнце* — является грам-

¹ См. Л. Крамп, указ. соч., стр. 49.

² См. А. М. Пешковский, Интонация и грамматика, сб. «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики», М.—Л., 1930.

матическим дополнением. Этот взгляд привел затем многих языковедов к смешению членов предложения и членов суждения. Отголоски этого долгое время продолжали жить и в русской грамматике и логике, особенно школьной¹.

А. А. Потебня затронул позже эту проблему с другой стороны, исходя из того, что «грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением». Он писал: «...для логики в суждении существенна только сочетаемость или несочетаемость двух понятий, а которое из них будет названо субъектом, которое предикатом, это для нее, вопреки существующему мнению, должно быть безразлично, ибо в формально-логическом отношении, независимо от способа возникновения и словесного выражения, все равно, скажем ли „лошадь — животное“, „лошадь — не собака“ или „животное включает лошадь“..., „собака не лошадь“»². А. А. Потебня несправедливо приписывает логике такое безразличие к составу суждений. Логика прекрасно отличает суждения «лошадь не собака» и «собака не лошадь», считая, что в первом субъектом будет «лошадь», предикатом «собака», во втором, наоборот, субъектом будет «собака», предикатом «лошадь».

Непосредственное отношение к проблеме связи логического суждения и грамматического предложения имеет вопрос о составе того и другого. Как известно, предложение имеет главные и второстепенные члены, суждение же не имеет подобного членения. Этот факт иногда вызывает серьезное сомнение в соответствии суждения и предложения. Сущность этого аргумента против единства суждения и предложения сводится к тому, что отрицается возможность структурной адекватности суждения и предложения, так как двучленная форма суждения не может быть, согласно этой точке зрения, уложена в многочленную форму предложения (подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство)³.

Известный представитель логического направления в русском языкознании Ф. И. Буслаев пытался, однако, снять этот аргумент следующим образом: «В логическом отношении, — писал он, — второстепенные члены не отделяются от главных, и вместе с ними составляют логическое подлежащее или логическое сказуемое. Например, в предложении „Церковно-славянская литература с древнейших времен стала оказывать влияние на русский язык“ — *церковно-славянская литература* есть логическое подлежащее, и все остальные слова, вместе взятые, — логическое сказуемое. Что же касается до грамматического разбора, то в нем строго отделяются члены второстепенные от главных»⁴.

Вообще говоря, то или иное решение этого вопроса может иметь два важных следствия: или второстепенные члены предложения явятся выражением соответствующих элементов логических форм мышления, или они окажутся только признаком предложения, не связанным со строем мышления. Последний вариант этой альтернативы затрагивает уже принципиальные стороны проблемы единства языка и мышления.

В советской логической литературе высказывалось мнение о том, что в данном случае неправомерно соотнесение грамматических категорий с логическими⁵. Для логики второстепенные члены предложения

¹ См. Г. И. Челпанов, Учебник логики, Госполитиздат, 1946, стр. 35.

² А. Потебня, Из записок по русской грамматике, 1—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 61.

³ См., например, В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935, стр. 205.

⁴ Ф. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, [ч. 2]—Синтаксис, М., 1881, стр. 30.

⁵ См. П. С. Попов, Суждение и предложение, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 34—35.

самостоятельного значения не имеют, поскольку логически соотносительные субъект и предикат подвижны (например, в предложении *Семен идет завтра в Москву* с различным логическим ударением) и поэтому могут покрывать «все звенья в предложении». При таком объяснении, однако, второстепенные члены не находят все же своего места в суждении, ибо ссылка на то, что они для логики не имеют самостоятельного значения, требует одновременно доказательства их «несамостоятельной природы».

Как известно, логика различает соотношения понятий «атрибутивные» (понятие и его признак) и «предикативные» (суждение). Причем соотношение понятия и его признака (например, *белая береза*) выступает всегда единым сложным целым и в составе суждения, образуя один из его членов (субъект или предикат). Эти различные отношения понятий, свойственные человеческому мышлению, правильно отражающему в своих формах объективные стороны существования вещей, находят непосредственное выражение в грамматическом различии сочетания слов. Логическое отношение признака и определяемого (ограничиваемого) понятия передается в языке словосочетанием — определение с определяемым для имени или дополнение и обстоятельство при глаголе. Логическое предикативное отношение понятий (суждение) реализуется в синтаксисе в форме предложения (точнее, в форме предикативной связи предложения).

Следовательно, имеется полная неразрывная связь логического строения мысли и ее реального выражения в грамматическом строе языка. Сколько элементов содержит предложение, столько элементов мысли заключает в себе и суждение (если учитывать расчлененность субъекта и предиката). Расчлененность одного соответствует расчлененности другого. Поэтому вряд ли правомерно так категорически говорить о «несоответствии между структурой предложения и структурой соотносительной с ним логической формы мысли»¹, как это делает Е. В. Кротович, ссылаясь к тому же на весьма сомнительный тезис о консервативности языковых форм в сравнении с формами логическими.

Положение о единстве суждения и предложения должно найти себе дальнейшее подтверждение при анализе сложных суждений и сложных предложений, а также при решении проблемы развития суждения и предложения. К сожалению, этими вопросами логики и грамматисты занимаются врозь. Определяя сложное суждение, логики не привлекают грамматический материал из области сложного предложения, в результате чего допускается произвол в установлении критерия сложности суждения. Например, сложными суждениями одинаково считаются и суждение *Иванов и Петров — студенты* и суждение *Если идет дождь, то крыши домов мокрые*², между тем как в первом случае речь может идти лишь о сложности одного субъекта, а не суждения в целом.

Обращение к фактам языка несомненно помогло бы логикам найти более определенный критерий формальной сложности суждения и устранить ту путаницу, которая имеется в этом вопросе.

Со своей стороны, грамматисты недостаточно привлекают логический материал при анализе сложных предложений, что только затрудняет исследование³. Некоторые грамматисты⁴ почему-то считают суждения

¹ Е. В. Кротович. Члены предложения в современном русском языке [Львов], 1954, стр. 10.

² См. П. В. Таваанец, указ. соч., стр. 104, 123.

³ См. Г. С. Кнабе. Еще раз о двух путях развития сложного предложения ВЛ, 1955, № 1.

⁴ См. например, Н. С. Поспелов, О грамматической природе сложного предложения, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 332, 335, 336.

типа *Не все то золото, что блестит* и *Вы поедете туда, где стоят ваши части* сложными, тогда как они на самом деле простые, а суждение *Я спросил книгу, каковой в библиотеке не оказалось* считают одночленным, хотя одночленных суждений вообще быть не может. Анализируя предложение *Его нет, потому что он болен* и *Его нет потому, что он болен*, эти исследователи находят в первом из них одно суждение, во втором — два, не учитывая того, что в обоих случаях мы имеем не суждение, а сокращенное умозаключение.

Совместная работа логиков и лингвистов необходима и при решении проблемы развития суждений и предложения. Надо отметить, что если лингвисты в этом направлении кое-чего уже достигли, то результаты работы логиков равны нулю. Больше того, находятся логики, которые полагают, будто суждение, раз возникнув, в дальнейшем не развивается. Получается, таким образом, странная картина: грамматическая форма — предложение — развивается, а ее содержание — суждение — остается неизменным. Нам представляется, что принцип единства логических и грамматических категорий должен быть распространен и на проблему развития суждений и предложения. Вне всякого сомнения, суждение тоже развивается, причем это развитие идет прежде всего в направлении усложнения его структуры, как равно и структуры составляющих его частей — субъекта и предиката. В этом плане грамматистам необходимо подкрепить те соображения, которые высказываются по вопросу о развитии сложного предложения¹.

5

Остается теперь рассмотреть еще один важный пункт проблемы соотношения логики и грамматики — умозаключение и способы выражения его в языке.

В проблеме соотношения логических и грамматических категорий вопрос об умозаключении и способах его выражения в языке оказался наименее разработанным. Насколько известно, этому вопросу специально посвящена лишь одна работа — кандидатская диссертация А. Н. Мосейко «Способ выражения умозаключений в языке» (М., 1954). В диссертации рассматриваются различные синтаксические единицы (предложение, сложное синтаксическое целое), а также синтаксические средства, с помощью которых выражается умозаключение.

Основная задача при разработке данного вопроса состоит в том, чтобы показать, какая языковая категория соответствует умозаключению и в каких формах она проявляется.

Как известно, умозаключение представляет собою форму мышления, в которой из одного или нескольких суждений, называемых посылками, выводится новое суждение — заключение. Например: «Всякая наука должна руководствоваться диалектическим методом. Языкзнание есть наука. Следовательно, языкзнание должно руководствоваться диалектическим методом».

Сущность умозаключения как формы мышления состоит в опосредствовании одной связи другой связью. Так, в нашем примере непосредственная связь понятий в выводе «языкзнание должно руководствоваться диалектическим методом» опосредствуется связями тех понятий, которые составляют посылки («Всякая наука должна руководствоваться диалектическим методом», «языкзнание — наука»).

¹ См., например, Г. С. Кнабе, указ. соч.

Логика различает много видов умозаключений, как непосредственных, так и опосредствованных. Среди последних она выделяет категорический силлогизм, условный силлогизм, разделительный силлогизм, индукцию, традукцию и др. Однако к какому бы виду умозаключение ни принадлежало, оно всегда выражается в строго определенной языковой форме, именно в форме предложения и системы предложений. Разобранное выше умозаключение являет пример такого случая, когда для выражения умозаключения употребляется система предложений (трех).

Система развернутых предложений как средство выражения умозаключения употребляется в практике мышления не так уже часто. Чаще всего ее можно встретить в руководствах по логике, где к ней прибегают из чисто дидактических соображений, да в такой строго дедуктивной науке, как математика. В живой речи наиболее употребительным языковым средством выражения умозаключения выступает сложное предложение: сочиненное или подчиненное.

Обычно умозаключение редко применяется в полном своем составе, где бы полностью выражались и ставились одна рядом с другой все его части: обе посылки и вывод. Как нетрудно убедиться, рассмотрев любой литературный текст, практически употребительной формой умозаключения является форма, в которой опускается какая-либо его часть: первая посылка, вторая или вывод. Эта форма сокращенного умозаключения получила в логической традиции название энтимемы. Возможность пропуска какой-либо одной (из трех) частей умозаключения обусловлена тем, что эта часть без особого труда может быть восстановлена из контекста рассуждения; целесообразность же этого пропуска объясняется необходимостью добиться краткости, плавности хода рассуждения.

Вследствие того, что практически употребительной формой умозаключения является энтимема, она чаще всего выражается не системой самостоятельных предложений (как в приведенном выше примере), а одним предложением — сложным. В логике различают три вида энтимем: энтимему с опущенной первой посылкой, энтимему с опущенной второй посылкой, энтимему с опущенным выводом. Для решения проблемы соотношения логических и грамматических категорий различие между первым и вторым видами энтимем несущественно, поэтому их можно сгруппировать в одно целое. Остаются, таким образом, два вида энтимем: энтимема с опущенной посылкой и энтимема с опущенным выводом.

Рассмотрим эти два вида энтимем в плане выявления тех грамматических средств и форм, с помощью которых они выражаются. Каждое умозаключение выявляет либо причинно-следственную связь, либо связь основания и следствия. Неудивительно поэтому, что они выражаются теми видами предложений, которые имеют прямое отношение к указанным связям. В грамматике эти виды предложений получили название предложений с причинно-следственной связью.

Однако не всякое предложение, выражающее причинно-следственную связь, содержит умозаключение. Примером тому являются следующие предложения: *Он не пришел на занятия по боксу, Причиной высокой себестоимости продукции является низкая производительность труда.* Хотя в этих предложениях имеется указание на причину, тем не менее они не выражают собой умозаключений. Чтобы предложение выражало умозаключение, оно должно состоять из двух частей, одна из которых указывала бы на основание (причину), другая — на следствие, или обе указывали на основание, притом так, чтобы следствие становилось очевидным из контекста.

Сокращенные умозаключения с одной опущенной посылкой выражаются сложным предложением либо с помощью союзов, либо без помощи сою-

зов. В свою очередь союзы могут быть либо причинно-следственные (т. е. выражающие причинно-следственную связь), либо не причинно-следственные. Причинно-следственные союзы: *так как, потому что, из-за того что, благодаря тому что, в связи с тем что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, затем что, ибо, поскольку* и др. К этой группе можно отнести и слова: *следовательно, итак, значит, стало быть, поэтому, потому* и др.

Часть перечисленных союзов употребляется в качестве союзов основания (причины), и потому предложения, с которыми они связываются, всегда выступают зависимыми, придаточными предложениями. Приведем примеры: «Машины засветили фары, *потому что* в лесу уже стемнело» (Г. Николаева, Жатва); «Благодаря *тому что*, что лето очень жаркое и сухое, понадобилось поливать каждый дерев» (А. П. Чехов, Черный монах); «Так как вы на все предметы смотрите с их смешной стороны, то и положиться на нас пользы» (И. С. Тургенев, Повесть).

Вторая группа указанных выше слов, выражающих причинно-следственную связь, служит для выделения следствия, а не основания, как первая группа. Приведем несколько примеров: *Он согласен, и потому не возражает; И спешил, поэтому и не дождал тебя; Враг не сдастся, следовательно, он должен быть уничтожен.*

Важно заметить, что умозаклучения выражаются в языке не только в сложных предложениях с соответствующими союзами, но и в других разнообразных формах сложных предложений, где они обнаруживаются не в семантике союзов, а в содержании всего состава предложения. Например: «Зима была снежная, и все ждали сильного половодья» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Хлеб); «Бойцу Волошину крепко полюбилась военная служба, и он навсегда решил пожизненно остаться в армии» (М. Бубеннов, Белая береза). Хотя в приведенных примерах, выражающих сокращенные умозаклучения, мы имеем дело также с основанием (первые предложения) и следствием (вторые предложения), т. е. опять-таки со сложным предложением, тем не менее здесь нет уже отношения подчинения, на его место становится отношение сочинения. Бывают случаи, когда умозаклучение с опущенной посылкой выражается без всякого союзного слова. Тогда роль выразителя причинно-следственной связи играет особая интонация или пауза. Например: «Начало стройки падало на зиму — в этом заключалась особенная трудность положения» (В. Ажаев, Далеко от Москвы).

Второй вид сокращенного умозаклучения (с опущенным выводом) встречается, как отмечено, в практике мышления значительно реже. Там, где он встречается, он получает выражение в виде двух предложений, соединенных в одно целое союзами *и, но*. Пример: *Все марксисты — материалисты, но Плеханов марксист* (опущен вывод: *Плеханов — материалист*).

Надо заметить, что сложные предложения почти не анализировались в литературе с точки зрения их логического содержания (за исключением, может быть, указанной статьи Н. С. Поспелова), и в настоящее время слабо разработаны принципы их классификации. При принятии семантического принципа большую помощь в классификации оказал бы логический анализ структуры сложного предложения, что значительно бы классификацию по чисто формальным признакам и союзам.

Нами рассмотрены основные виды предложений, выражающих умозаклучения. Уже из рассмотренного видно, сколь многообразны грамматические формы, в которых получает языковое выявление умозаклучение. Изучение этих форм, их анализ и сопоставление дает логикам богатый материал для исследования типов умозаклучений и способов употребления их

в живой практике мышления. Но, с другой стороны, знание того, что во всех приведенных типах предложений, выражающих причинно-следственную связь, содержится именно умозаключение, а не какая-либо другая форма мышления, облегчает грамматистам исследование этих предложений и еще раз подтверждает правильность основного исходного положения при решении проблемы соотношения логики и грамматики — положении о единстве мышления и языка, логических и грамматических категорий.

*

Мы рассмотрели основные логические категории мышления в их отношении к категориям языка.

Признание единства логической структуры мышления и грамматического строя языка, вытекающее как необходимое следствие из марксистского положения о неразрывном единстве языка и мышления, никак не может привести к отождествлению логических и грамматических категорий, поскольку это единство предполагает и несомненное различие областей, его образующих. Это признание снимает всякое толкование о противоречии и несовместимости логики и грамматики и одновременно предполагает их отличие. Последнее обусловлено спецификой содержания и формы, что создает особые предметы изучения для логики и грамматики.

Лингвистическая и логическая науки, основывающиеся на диалектической теории, должны снять всякую односторонность при рассмотрении проблемы языка и мышления, логики и грамматики. Для этого необходимо учитывать природу логического строя мышления и, соответственно, характер самой науки логики, а также сущность грамматического строя языка, границы предмета грамматики.

Если логика должна изучать формы мышления, то грамматика (синтаксис) должна изучать грамматические (синтаксические) формы языка, своеобразные для каждого языка, внутри одного национального языка и на протяжении истории развития этого языка.

Общая теория грамматики, построенной на основе марксистского учения о языке, не отбрасывает проблемы связи логических и грамматических категорий. Последовательное применение положения о неразрывном единстве языка и мышления позволит в дальнейшем еще более глубоко обосновать и подтвердить фактами языка связь логических и синтаксических категорий и в то же время обнаружить их действительные различия, обусловленные спецификой внутренних законов того и другого.